

КИМ С. С.-Д.

**О ПРЕЛОМЛЕНИИ В ТОЛКОВЫХ И ДВУЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЯХ
ЕДИНСТВА ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ И РЕЧЕВОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(Заметки редактора)**

Определяя место больших толковых словарей в практической лексикографии, не будет преувеличением, если назовем их главными словарями народа, нации, носителя и творца данного языка. Такое место толковый словарь занимает прежде всего потому, что именно в нем (и ни в каком другом письменном жанре) представляется язык в единстве его сложной системы и многогранной речевой деятельности.

Относительно полное лексикографическое описание основного массива слов языка в двух указанных ипостасях — сложнейший, кропотливейший труд. На создание такого типа универсальных словарей уходят десятилетия, причем в силу тех или иных объективных и субъективных причин они нередко остаются незавершенными. Поэтому даже у народов с богатыми лексикографическими традициями на протяжении столетий такие словари создаются единицами. В этом аспекте главный словарь нации можно образно назвать также словом века.

В первые же послеоктябрьские годы В. И. Ленин предпринимал конкретные шаги по созданию словаря, в котором было бы представлено богатство русского языка от Пушкина до М. Горького. С тех пор прошло более 60 лет. Ныне советский народ пользуется толковыми словарями Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова, большим и малым академическими словарями. В последней четверти XX в. читатель получит новые, более совершенные академические толковые словари русского языка.

Форсирует создание толковых словарей и национальная лексикография. Достаточно в этой связи напомнить о выходе в свет толковых словарей родного языка во всех среднеазиатских республиках, таких, например, как двухтомный Толковый словарь узбекского языка (М., 1981) в 60 тыс. словарных единиц.

В условиях нашей многонациональной страны — расцвета и сближения наших народов, взаимовлияния и взаимообогащения языков, все углубляющегося процесса билингвизма — огромное значение, наравне с большими толковыми словарями, приобретают двуязычные словари — русско-национальные и национально-русские, создаваемые, как правило, на базе толковых словарей и потому, естественно, в принципе повторяющие в левой части основные составляющие словарных статей последних, например толковых словарей русского языка, — заглавное слово, его грамматическую и функционально-стилистическую характеристику, иллюстративный материал, фразеологию.

Логика построения словарных статей в толковых и двуязычных толковых словарях вытекает из универсальной логики самого языка. Поэтому столь сходно, едино представление слова в лексикографической традиции на протяжении веков в одной стране и в различных регионах. Так, основные компоненты словарных статей действующих толковых словарей современного русского языка мы встретим в дореволюционных толковых словарях русского языка, в частности в первом из них — Словаре Академии Российской, созданном в конце XVIII в.

Такова же, по свидетельству исследователей лексикографии Востока [1], архитектоника статей в средневековых арабских, персидских, таджикских и староузбекско-персидских словарях — заглавное слово, толкование значений, подтверждающие примеры, цитаты. При этом ввиду особенностей арабского алфавита (отсутствия гласных графем) значительное место в этих словарях занимает фонетические, орфоэпические объяснения, что является, как справедливо замечает Э. Умаров [2], исключительно ценным материалом для исследователей истории вокализма этих языков.

Единство лексикографических решений в практике составления толковых словарей (будь то в Европе или на Востоке) — не случайное совпадение. Оно, повторяем, отражение в словарях диалектики природы языка, его двоякой сущности — языковой системы и речевой деятельности. Главное, что объединяет авторов толковых и двуязычных толковых словарей прошлого и настоящего, — это решительное отрицание ими статической подачи слов, стремление раскрыть их семантику в контексте с другими словами, т. е. в речевой деятельности.

Таким образом, практическая лексикография, независимо от учения об оппозиции языка и речи, стихийно, но верно шла к утверждению в словарях единства языковой системы и речевой деятельности. При этом, говоря словами Ю. Н. Караулова [3, с. 144], в словарях, стремящихся к универсальности, следовательно, прежде всего в толковых, параметры языковой структуры, входящие в эти словари, варьируют в зависимости от целевых установок авторов и типологических особенностей языка, однако «постоянной величиной» в них оставалась и остается структурная организация: слово в статике с необходимым минимумом грамматических сведений и его употребление, реализуемое в примерах на лексическую и синтаксическую сочетаемость, в цитатах, пословицах и поговорках, фразеологии.

Дальнейшее совершенствование содержания и структуры рассматриваемых словарей тесно связано с достижениями современного языкознания.

Органическая связь теории и практики, столь необходимая для практической лексикографии, была убедительно продемонстрирована на Всесоюзной конференции «Слово в грамматике и словаре», состоявшейся в 1981 г. [см. 4].

Рассмотрим здесь отдельные положения, обсужденные на конференции, и проблему «лексикографической параметризации языка» [3, с. 143], преломления языковой системы и речевой деятельности в толковых словарях русского языка на национальном языке.

Тезис о слове как разнонаправленно работающей единице, реализующей два присущих ей активных потенциала: «центростремительный» и «центробежный» (Н. Ю. Шведова), говорит о необходимости представления в словарях достаточного для адресата минимума морфолого-семантических параметров (центростремительный потенциал) и синтаксических образцов (центробежный потенциал) [см. 4, с. 140—141].

Что же мы имеем в виду, говоря о достаточном для адресата языковом и речевом минимуме? С позиции социолингвистики это означает учет уровня знаний русского языка тех, кто будет пользоваться словарем. В условиях осуществления в нашей стране всеобщего среднего образования уровень этот вполне соответствует для понимания массовым читателем языковой информации, данной в словарях в терминах нормативного курса русского языка. При их создании нельзя, стало быть, опускаться ниже этого уровня и превышать его. В первом случае подстерегает опасность трансформации академического словаря в учебный, во втором — опасность чрезмерного усложнения, могущего сделать словарь трудным для массового читателя.

Социальный заказ на большие русско-национальные словари поступает от массового читателя, стремящегося овладеть русским языком как вторым родным языком. И именно эта социально значимая задача подчеркивается во всех русско-национальных словарях, изданных в 50—70-е годы. Например, в предисловии к Русско-чувашскому словарю читаем: «Предлагаемый Русско-чувашский словарь предназначен для массового пользования

как чувашскими, так и русскими читателями» [5, с. 7]. Однако в аннотации редакции содержится информация, противоречащая той, что дана в предисловии: «Словарь предназначен для переводчиков, работников печати, радио и телевидения, высших учебных заведений Чувашской АССР, а также для тюркологов» [5, с. 2].

Какое из этих сообщений более соответствует действительности? Если судить по тиражу (40 тыс. экз.), то следует согласиться с первым. Если же рассматривать словарь с точки зрения доступности, то правы авторы аннотации.

Ближайшая задача русско-национальной лексикографии — преодолеть это противоречие с помощью усиления в словарях речевой направленности.

С позиции лингвистики и лингвометодики статус достаточного для адресата языкового и речевого минимума означает строгий отбор центростремительных параметров русского слова с его сложной морфологической структурой, с одной стороны, и центробежных потенциалов, находящихся реализацию в различных типах (моделях) лексической и синтаксической сочетаемости слов, с другой.

Описание и объяснение всей системы словоизменения — компетенция грамматики. Из нее лексикография отбирает минимум, который, по мнению создателей словарей тех или иных типов, достаточен для описания слова в данной словарной статье. И так на всех языковых и речевых уровнях.

Отказ в целом от демонстрации специфических словоформ, принятый большинством лексикографических коллективов по рекомендации, разработанной в 1951 г. Главной редакцией иностранных и национальных словарей, следует расценивать как отход от речевого направления в подаче слова, как нарушение принципа презентации двуединой природы языка в двуязычных толковых словарях. Заглавное слово, снабженное лишь категориальной пометой, во многих случаях ни о чем не говорит нерусскому читателю. Этот недостаток усугубляется еще и тем, что в словарях весьма бедно представлен иллюстративный материал.

Решение вопроса о лексикографически целесообразном определении минимума грамматических сведений и синтаксических образцов для русско-национальных словарей остается открытым. В процессе опытной проверки — редактирования нового, двухтомного Русско-узбекского словаря как от избыточной информации мы отказались от отдельного размещения в словаре трудных словоформ с малым фонемным составом [6, с. 45], так как вполне достаточен показ их особенностей в составе исходных заглавных, например: *растй, -тй, -тёшь; рос, -ла*, т. е. как принято в действующих словарях русского языка.

Если исходить из методических (обучающих) требований, то не вызывает сомнений позитивность предложений о включении в русско-иноязычные словари языковых сведений в большем объеме, нежели в словари, предназначенные для носителей русского языка. Это естественно, ибо показ трудных случаев словоизменения более необходим нерусским, чем русским, с молоком матери впитавшим родную речь. Однако беспредметны общие рассуждения о расширении информации без достаточного учета лексикографических возможностей, в частности объема словаря. Чтобы, например, в доступной для массового читателя технике, без адаптации передать содержание малого академического словаря русского языка [7], в переводе потребовалось бы вдвое увеличить его объем. На это, конечно, не может пойти практическая лексикография. Поэтому так остро стоит вопрос об определении минимума по всем параметрам левой, русской, части, включаемой в русско-национальные словари.

За исходную точку при определении языкового и речевого минимума для русско-национальных словарей следует принять то, что выработано русской лексикографией и реализовано в действующих толковых и орфографических словарях русского языка, в которых, в частности, как обязательное требование узаконена демонстрация словоформ, отличных от исходных. При этом следует провести коррекцию в направлении сокра-

щения принятого в этих словарях грамматического аппарата с тем, чтобы разгрузить левую (субъектную, русскую) часть в пользу правой (предикатной, толкующей, национальной) части, добиваясь вместе с тем сохранения достаточного минимума.

Безусловно, трудно сократить и без того предельно минимальное. Но такие возможности надо искать.

В словарях русского языка много места занимает показ словесных ударений. Это необходимость, вытекающая из особенностей русской акцентологической системы. Но тем не менее мы предлагаем провести разгрузку грамматического аппарата за счет частичного отказа от этого принципа — демонстрации при исходной форме слов, особенно имен существительных, вариантов ударений в косвенных формах, в большинстве случаев смысло-различительных, однако с условием раскрытия этих особенностей в речевой части, с помощью подбора соответствующего иллюстративного материала.

Обратимся к примерам. В словаре С. И. Ожегова грамматический аппарат в статье *бок* представлен так: *бок, -а (у), о ббке, на бокѹ, мн. бокá, -бе, м. [8]*; в малом академическом словаре — *бок, -а, предл. о ббке, на бокѹ, мн. бокá м. [7, 1]*; в орфографическом словаре — *бок, -а, предл. о ббке, на бокѹ, мн. -á, -бе [9]*. Наш вариант — или *бок м., или бок м., мн. -á*.

В словарях русского языка, как видим, обеспечен достаточный минимум, в нашем предложении — явная информативная недостаточность. Но если в речевой части статьи мы дадим недостающие формы в примерах (например, *лежат на бокѹ, в бокѹ колет* и др.), то тем самым восполним грамматическую недостаточность. Причем в качестве примеров можно использовать эти же предложные сочетания без дополнительной их дистрибуции, так как и вне предложений они вполне обладают статусом синтаксических единиц.

Операция перемещения в примеры, в речь косвенных форм с вариантами ударений несложна. И если ее возвести в принцип и осуществить во всех случаях, то будет усилена речевая направленность словарей — основное требование современной методики обучения русскому языку в национальной аудитории.

Речевой минимум в словарях непременно должен быть рассмотрен с точки зрения психологии, психолингвистики — теории речевой деятельности.

Слово как основная единица второй сигнальной системы соотносено с предметами и явлениями действительности, с которыми сталкивается человек в своей практической, теоретической, творческой деятельности. Чем больший у человека жизненный, трудовой опыт, чем богаче его духовная жизнь, тем многогранней ассоциативные связи, вызываемые словом. В качестве примера здесь уместно привести известные всем нам со школьных лет пушкинские строки: «Москва... как много в этом звуке для сердца русского слилось! Как много в нем отозвалось!» [10]. В этом предельно простом, емком поэтическом образе нет ни слова, которое бы указывало на исторические, материальные и духовные культурные ценности, ассоциирующиеся с Москвой и вызывающие в сердце русского патриотические чувства. Но они подразумеваются, они в сердце русского, они данность ассоциаций. В этих строках нас поражает не только глубина выражения чувств, но и то, что поэт подмечает, как в слове «сливаются», «отзываются» сигналы, поступающие в наше сознание из вещного мира.

Пушкинские строки приведены для того, чтобы показать искусство передачи экономными средствами емкого содержания. Словарное дело, разумеется, не художественное творчество, а словарная статья — не поэтическое произведение. Но в жанре словарей, как и во всех других письменных филологических жанрах, надо искать предельно экономные средства передачи ассоциаций, вызывающихся словом и воплощающихся в высказываниях, надо определить минимум примеров, иллюстративного материала (под иллюстративным материалом мы и имеем в виду реализацию ассоциативных связей в словарях), ограниченный лексикографическими рамками.

Акад. Л. В. Щерба писал: «...не мудрствуй лукаво, а давай как можно

«больше разнообразных примеров» [11, с. 285]. При этом он подчеркивал, что «нет надобности приводить однообразные цитаты; но исчерпать их разнообразие совершенно необходимо» [11, с. 285].

К первому тезису, разделяемому, по свидетельству Л. В. Щербы, первоклассными филологами, мы относимся как к гиперболе, как к стремлению создать идеальный универсальный словарь. Конечно, хороши те словари, в которых читатель найдет как можно больше примеров, цитат. Однако это максимальная задача, вряд ли практически осуществимая на материале основного массива слов того или иного языка, тем более в русско-национальных словарях, в которых перевод вдвое увеличивает их объем по сравнению с одноязычными.

Во втором высказывании содержится два положения — о ненадобности приводить однообразные цитаты и необходимости исчерпать их разнообразие. Само собой разумеется, первый тезис необходимо в современной русско-иноязычной лексикографии возвести в принцип в качестве одного из основных требований к минимизации речевых образцов. Что же касается второго требования, то практика показала, что такая задача вполне выполнима, но в рамках специальных словарей сочетаемости слов.

Учебный словарь сочетаемости слов русского языка [12] включает около 2500 словарных статей при объеме 123,39 уч.-изд. л. В нем дано достаточно полное лексикографическое описание сочетаемости слова русского языка. Если эти сведения (а это всего лишь часть «разнообразных цитат») включить в большой русско-национальный словарь, то такое дополнение, причем с переводом, привело бы к увеличению его объема в десятки раз, на что, разумеется, не пойдет ни один лексикографический коллектив. Позитивным представляется положение, сформулированное Н. З. Котеловой: «В общих толковых словарях и в описательных грамматиках информация о синтаксической сочетаемости слова должна занимать место, соответствующее ее статусу в структуре языка: в словарях — соответствующее степени ее отнесенности к лексике, в грамматиках — привлекаться для повышения корректности синтаксического описания, не выступая непосредственным объектом такого описания» [4, с. 142].

Как принято в лексикографической практике, для иллюстрации значений слова используются краткие примеры, содержащие так называемый указательный минимум. И дело лексикографа — вложить в эти жесткие рамки многообразную речевую информацию, обновить ее, заменяя старые примеры новыми, отражающими факты и явления современной ему действительности.

По признаку отражения реалий примеры в словарях можно разбить условно на две группы: стандартные, слабо «привязанные» к определенной эпохе, и нестандартные, передающие информацию, в том числе и особенно надстроечного характера, порожденную тем или иным этапом социально-экономического развития общества. Примеры первой группы — *голубое небо, дождь идет, забить кол в землю* и т. п.; второй группы — *крепостная зависимость, сослать в Сибирь, революционное обновление мира, социальные преобразования, борьба за мир* и т. п.

Толковые словари должны отразить естественное соотношение двух указанных начал речевой информации. Нарушение объективно существующей нормы может отрицательно сказаться на качестве словаря. При преобладании примеров первой группы читатель получит некий вневременной словарь, а во втором случае — толковый словарь с креном в сторону специальных словарей.

В большинстве толковых словарей русского языка, как правило, естественно сочетаются стандартные примеры и нестандартные, заполненные новой, свежей информацией, «привязывающей» словари к современной действительности.

Особо поучителен в толковых словарях русского языка опыт иллюстрирования экономными средствами значений, обнаруживаемых лишь в сложных речевых ситуациях; сложных синтаксических построениях. Этим положительным качеством обладает, в частности, нормативный толковый словарь русского языка — словарь С. И. Ожегова, от издания

к изданию совершенствующий и осовременивающий примеры на синтаксическую сочетаемость.

Отбор иллюстративного материала для русско-национальных словарей — это прежде всего задача специалистов русского языка. Но в известной мере это также и задача лексикографов-переводчиков. Как показывает практика, при переводе иллюстративного материала, подготовленного специалистами русского языка, переводчики нередко перестраивают готовые примеры с тем, чтобы получить более точный по форме и содержанию перевод. Такие переделки, образно говоря, вызываются «сопротивлением материала» — типологическими различиями языков оригинала и перевода. И с этим нельзя не считаться. Например, нельзя не считаться с тем, что ввиду отсутствия в тюркских языках категории рода усложняется перевод таких древнейших примеров, как *его (ее) книга*, *его (ее) нет дома* и т. п. Подобные изменения в примерах неизбежны. И хотя в новой редакции различные дополнительные включения воспринимаются как избыточные с точки зрения русской речи, но они допустимы.

Вместе с тем есть опасность нарушения границ допустимого. Главная опасность — интерференция языка перевода. Перестраивая примеры и особенно создавая собственные, переводчики невольно привносят элементы своей родной речи в русскую. Из замеченных нами в процессе редактирования первого тома Русско-узбекского словаря ошибок отметим такие, как *провода хороши* (вм. *легко*) *гнется* — *сим яши букилади*; *кончик* (вм. *угол*) *одеяла* — *курпани учи*.

В начальной редакции первый пример был дан в форме простого нераспространенного предложения — *провода гнется*, т. е. в форме, вполне достаточной для иллюстрации значения в толковых словарях русского языка. Однако «сопротивление материала» вынудило переводчика распространить его наречием *хорошо* (*яши*), в узбекском языке совмещающем как значение «хорошо», так и «легко». Механизм интерференции во втором примере, появившемся в словаре по инициативе переводчика, аналогичен первому: лексема *уч(и)* передает не только значение «кончик», но и «угол», например: *кончик карандаша* — *қалам учи*, *кончик носа* — *бурун учи* и *угол одеяла* — *курпани учи*.

Своеобразным проявлением интерференции в условиях билингвизма следует признать различного рода вкрапления в русскую речь элементов национальной лексики. Например, к третьему значению слова *теребить* «выдергивать с корнем, убирая с полей» редактор Русско-узбекского словаря добавил (в рукописи) пример *теребить гузанаю* (*гузанаю* — кусты хлопчатника, с которых снят хлопок). Конечно же, примеры, отражающие местные реалии и тем самым усиливающие лингвострановедческий аспект словаря, необходимы, но ни в коем случае нельзя это делать с помощью заимствований, носящих локальный характер, не приобретших статуса лексических единиц современного русского литературного языка и, стало быть, статуса словаря, тем более нормативного.

Русский язык — великое достояние народов СССР. В процессе функционирования он обогащает другие языки и обогащается сам. В речи жителей различных районов страны наблюдаются сотни заимствований, носящих региональный характер. Они свободно употребляются в местной периодике, выходящей на русском языке, художественной литературе. Причем эти национальные элементы выступают в текстах не только как образительные средства, придающие описанию «местный колорит», но и как нейтральные, незаменимые в данном контексте единицы, передающие информацию о реалиях, отсутствующих в других регионах. Безусловно, некоторые из них со временем войдут в лексику русского литературного языка, как в свое время вошли такие слова, как *арык*, *домбра*, *дугар* и др. Однако переоценивать свойство лексики — наиболее проницаемого уровня языка — обогащаться за счет заимствований, что имеет место в некоторых исследованиях, не следует. По данному вопросу мы разделяем точку зрения В. В. Иванова [3] и Г. Н. Асланова [4].

Нарушения норм русской речи в целом можно рассматривать как своеобразный «отрицательный языковой материал» [11, с. 33], проявляющийся

в условиях русско-национального и национально-русского двуязычия. Детальное изучение этого материала, установление типов ошибок и выработанные на этой основе рекомендации по их предупреждению приносят большую пользу методике преподавания русского языка и практической русско-национальной лексикографии.

Анализ «отрицательного языкового материала» дает возможность оттолкнуться от противного и выработать некоторые методические рекомендации по отбору и составлению примеров для русско-национальных словарей:

1. При составлении оригинальных примеров добиваться предельного лаконизма. Важно, чтобы каждый компонент, входящий в состав предложения, был подчинен цели иллюстрации именно данного значения. Это само собой разумеющееся требование. Но нередко об этом забывают. Так, в Русско-казахском словаре в статье *вялы* дано три примера: *вялое настроение*, *вялая работа* и *вяло тякали где-то собаки* [15, I]. Как видим, в статье нет примера на первое значение — «увядший», но зато есть третий пример (обратите внимание на несочетаемость лексем *вяло тякают*, *мякут*, *рычат* и т. д.), который сводит на нет всю статью. В статье *очнуться* значение «прийти в себя» иллюстрируется тремя примерами, в том числе: *вечным праздником быстро бегущая жизнь очнуться тебе не даёт* [15, II]. Такие многословные примеры (даже цитаты) не обеспечивают единства слова и текста, отрицательно «отзываются» в читательском восприятии и к тому же не отвечают требованиям жесткой экономии.

2. Наложить категорический запрет на практику составления собственных примеров для иллюстрации значения слов с ограничительными пометами. Использовать при этих словах в качестве иллюстративного материала цитаты. Так, неприемлем «оригинальный» пример *охотник топором отнес полчерепа медведю* [15, II], составленный по образцу, взятому из басни И. А. Крылова «Крестьянин и работник», тогда как басенный текст [*Работник*] *отнес полчерепа медведю топором* со ссылкой на баснописца вполне отвечает целям иллюстрации одного из значений слова *отнести* — «смаху отрубить», так как он воспринимается читателем в контексте басни и потому не вызывает в нем отрицательных эмоций. То же самое следует сказать и о таких примерах на смешение стилей, как *он отверз книгу и начал читать, отрасль рабочей династии* [15, II] и др.

3. Рекомендации, рассмотренные выше, носят частный характер. Главной же требование сформулировано Л. В. Щербой: «...словарная работа, как основанная исключительно на семантике, требует особо тонкого восприятия языка, требует, я сказал бы, совершенно особого дарования, которое по какой-то линии, вероятно, родственно писательскому дарованию (только последнее является активным, а дарование словарника — пассивным и обязательно сознательным)» [11, с. 289]. Конечно же, полноценные примеры, отвечающие высоким лексикографическим требованиям, могут создавать лишь словарники, обладающие особым дарованием, равно как и творцами высокохудожественных произведений могут быть лишь одаренные, талантливые писатели. Лексикографическое мастерство надо развивать в себе постоянно, с такой же настойчивостью, как это делают повседневно мастера слова.

Что касается цитатного материала, его места в толковых и двуязычных толковых словарях, то практическая лексикография на протяжении всей своей истории в целом однозначно решает этот вопрос: даже при наличии словарей писателей сложилась традиция давать этот ценнейший материал в словарях. Без этого материала рассматриваемый тип словарей не мыслился.

Цитаты, как известно, — не просто вспомогательный материал, служащий для иллюстрации семантики слова, его употребления. Слово в них конкретно реализует свою способность отражать мир материальный и духовный, причем не стандартно, а в контексте, имеющем мировоззренческую (идеологическую, нравственную и эстетическую) ценность. Эта особенность рассматриваемых речевых единиц осознавалась всеми и всегда. Этим и объясняется традиционная привязанность к ним.

Русская советская лексикография имеет опыт создания толкового словаря без использования цитат. Это словарь С. И. Ожегова, в котором цитаты заменены речениями, причем замены, сделанные известными лексикографами, хотя во многих случаях и уступают по содержанию цитатам, но достаточно оперативно обеспечивают в жестких рамках однотомника показ минимума новых явлений в лексике русского языка нашего времени. В этом заключается одно из положительных качеств популярного словаря С. И. Ожегова. Видимо, при наличии академических толковых словарей практически целесообразно иметь и словарь «оперативного жанра» без цитат, такой, как словарь С. И. Ожегова, но, подчеркиваем, только при условии, если параллельно действуют словари более фундаментальные, с цитатным материалом.

За последние два-три десятилетия русско-национальная лексикография, за отдельными исключениями, отказалась от использования цитат. Безусловно, идя на такой шаг, лексикографы понимали его плюсы и минусы: п л ю с ы — возможность увеличения объема словника, значительное облегчение задач перевода; м и н у с ы — снижение воспитательной функции словаря, резкий спад обучающих его качеств в связи с ослаблением представления слова в тексте, в речи.

С наметившейся в настоящее время тенденцией заменять в словарях в целях экономии места цитаты речениями (см. об этом, в частности, статью К. С. Горбачевича [16]) можно было бы частично согласиться, если бы требование замены проводилось последовательно. Но на практике такая замена производится редко, неохотно, и словарные статьи фактически остаются оголенными, без речевого подкрепления.

Вместе с тем необходимо отметить, что часть иллюстраций вообще не поддается операции замены. Это большинство цитатных иллюстраций к словам с ограничительными пометами, особенно к словам, вышедшим из современного употребления. О том, к каким нежелательным результатам могут привести вольные замены, красноречиво говорит опыт отдельных лексикографов (см., например, [15]).

Вопросы, рассмотренные выше, дают возможность определить тип русско-национальных словарей изданий 50—70-х годов. Итак, языковые и речевые нововведения (отказ от демонстрации особенностей словоизменения и чрезмерное сокращение иллюстративного материала) привели к появлению в советской лексикографии русско-национальных словарей, доступных сравнительно узкому кругу специалистов, наперекор социальному заказу на большие словари, поступающему от массового читателя. Разумеется, словарь, адресованный специалистам, имеет право гражданства, но это не главный русско-национальный словарь данной социалистической нации.

Главная задача русско-национальной лексикографии, продиктованная социальным заказом развитого социалистического общества, — создание толковых словарей русского языка на том или ином национальном языке, удовлетворяющих потребности как узкого, так и широкого круга читателей. Кстати говоря, таким демократизмом обладают все действующие толковые словари русского языка, в том числе 17-томный академический — главный словарь русской социалистической нации XX столетия.

Диалектика природы языка и отражение его двойкой сущности в диалектике мышления, материализованной в толковых и двуязычных толковых словарях, — явление закономерное. Нарушение в словарях диалектического единства языка и речи ведет к резкому снижению их качества. Слово в толковых и двуязычных толковых словарях должно даваться так, чтобы убедительно раскрыть читателю, как проявляются его центростремительный и центробежный потенциалы, что возможно лишь при четком определении языкового и речевого минимума, достаточного для демонстрации слова в его статике и динамике.

Общие рекомендации должны быть опробованы на конкретных словниках. Надеемся в следующих заметках — заметках лексикографа — рассмотреть этот вопрос на материале словников русско-национальных словарей в 50 тыс. словарных единиц и большего объема.

1. История лингвистических учений. Средневековый Восток. Л., 1981.
2. Умаров Э. А товушининг XV асрдаги сифат хусусиятлари ҳақида. — Ўзбек тили ва адабиёти, 1982, № 1, с. 45—46.
3. Караулов Ю. Н. Об одной тенденции в современной лексикографической практике. — В кн.: Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. (Виноградовские чтения IX—X). М., 1981.
4. Белоусов В. Н. Хроникальная заметка. — ВЯ, 1982, № 1.
5. Русско-чувашский словарь. Под ред. Андреева И. А. и Петрова Н. П. М., 1971.
6. Ким С. С.-Д. Вопросы комплексной разработки типовой русской части для русско-национальных словарей (Заметки практика). — ВЯ, 1981, № 5.
7. Словарь русского языка в четырех томах. М., 1957—1961.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 10-е изд. Под ред. Шведовой Н. Ю. М., 1973.
9. Орфографический словарь русского языка. 15-е изд. М., 1978.
10. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти т. Л., 1978, т. 5, с. 134.
11. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
12. Учебный словарь сочетаемости слов русского языка. Под ред. Денисова П. Н., Морковкина В. В., М., 1978.
13. Иванов В. В. Некоторые вопросы изучения русского языка как средства межнационального общения народов СССР. — ВЯ, 1981, № 4.
14. Асланов Г. Н. О культуре русской речи в Азербайджане. — ВЯ, 1981, № 6.
15. Русско-казахский словарь. Под ред. Мусабаева Г. Г. Т. I. Алма-Ата, 1978; Т. II. Алма-Ата, 1981.
16. Горбачевич К. С. Словарь и цитата (о рационализации иллюстрирования слов и значений во втором издании Семнадцатитомного словаря). — ВЯ, 1978, № 5.